

Г.О. Черніченко
 академик АЭН Украины,
 г. Донецьк

СООТНОШЕНИЕ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Проблема. В связи с интеллектуализацией производительных сил и, следовательно, экономики все больше возрастает роль человека, его личности, а, следовательно, процессов управления. Еще в середине прошлого столетия П. Друкер говорил о том, что нет высоко — и слаборазвитых стран, а есть страны хорошо и плохо управляемые.

Управление по своей значимости и воздействию на экономику поднялось настолько, что стало вровень с экономическими законами, оформляя последние экономической политикой государства и менеджментом предприятий.

Управление и экономика соотносятся друг с другом как форма и содержание. Рассмотреть содержание этой взаимосвязи — цель данной статьи.

Содержание. Как известно, форма эффективна тогда, когда она вызвана к жизни этим содержанием, а не навязана ему извне в несоответствующем виде.

В полной мере это относится к экономике, где управление ею является формой, а структура экономических отношений содержанием. Речь далее пойдет об управлении государственным.

Если управление в экономике ее подразделениями сформировано самой экономикой, ею вызвано к жизни, оно, как соответствующее природе и функциональному предназначению объекта, обеспечивает ее устойчивость, защиту от негативных внешних воздействий и развитие.

В современных развитых странах (современной экономической цивилизации) экономическая устойчивость и динамичная пропорциональность обеспечиваются естественных для них механизмом рынка с его балансированием спроса и предложения, отражаемым в ценах.

Кризисы, в том числе и современный, ничего не меняют в сказанном. Они только свидетельствуют о внутренних экономических механизмах саморегулирования. Так, нарушение соотношения спроса и предложения на рынке ипотеки привело к разбалансированию всей экономической системы не только США, но и всех других стран, вовлеченных в глобальные внешнеэкономические отношения. Искусственное — за счет кредитов — накачивание спроса вызвало соответствующую реакцию рынка, регулирующего экономические балансы. Рынок отреагировал принуждением экономики к

сбалансированности. Смыслом механизма принуждения является кризис.

В такой ситуации роль государства особо возрастает.

Вообще следует заметить, что в нашей исторической традиции не экономика обуславливала те или иные формы государственного управления, а, напротив, государство на протяжении многих столетий оформляло механизмы и методы управления. Более того, в советское время государство ее — экономику — структурировало. Процесс, необходимый в чрезвычайных условиях страны (войны, например) и эффективный с точки зрения решения крупнейших общенациональных проблем (индустриализация, освоение территорий, богатых полезными ископаемыми), абсолютно неэффективен и, как выяснилось в СССР в конце 80-х годов прошлого столетия, разрушителен для экономики и для общества в целом, если он протяжен во времени.

Рынок обуславливает приспособление, а потому рождение и развитие множества форм управления предприятиями разного рода, каждая из которых была и/или является адаптивной реакцией субъекта экономических отношений на вызовы и запросы рынка. Но, как известно, рыночный регулятор рождает не только блага, но и потери, поскольку в силу разрастающихся масштабов производства товаров и услуг растут трансакционные затраты на взаимодействие и взаимосвязи. Поэтому, начиная с 30-х годов прошлого столетия (исчисление идет от разрушительного кризиса 1929—33 годов) стало не только необходимостью, но и реальностью активное участие государства в экономических делах страны. Правда, его роль не является раз и навсегда данной. Она то возрастает во время кризисов и рецессий, то уменьшается. Необходимость активной роли государства в управлении экономикой в последние годы признал и родоначальник теории монетаризма, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 года Милтон Фридман. Но его исследования аргументируют фундаментальное значение для экономики движения денег, обусловленного потребностями экономики и воздействующего на нее наиболее эффективным образом.

Государственное структурирование экономики, осуществляемое как правило, делает экономику неэффектив-

ной. Достаточно сопоставить структуры затрат в постсоциалистических странах и в странах Запада и Востока, относимых к развитым. Расходы энергии, материалом в разы у первых больше, чем во вторых. Отсюда и неконкурентоспособность на мировых рынках по многим параметрам. Получив такое наследие, государственная власть Украины, по существу ничего позитивного для реструктуризации экономики не сделала. Сделаем скидку на то, что в Украине суверенная государственность явилась только в начале 90-х годов и ей самой предстояло еще сформироваться и структурироваться.

С очевидностью высветился парадокс отношений государственной власти и экономики. Активное вмешательство государства в экономику делает последнюю неэффективной, но при сломе политико-экономических систем сделать экономику эффективной, реструктурировать ее без государственного прямого управления невозможно. Регулирование, как функция государства, приходит на смену прямому управлению после проведения кардинальных реформ и в структуре государства и в структуре экономики.

Дополнительно необходимость государственного управления экономикой в периоды реформаций обусловлена и тем, что экономика, как и любой другой объект управления консервативна, инерционна. Она развивается эволюционно. Субъект же управления мобилен, легко изменяем, революционен, что и требовалось стране для проведения реформ, которые с учетом прошлого, должны были быть радикальными. Проблема в том, каковы цели и социальные силы формирования власти и проведения реформ.

Заявленной в Украине понятной стране и миру целью реформирования экономики был постепенный, по возможности, ускоренный перевод ее из государственно-социалистической со стопроцентной подчиненностью государству в смешанную, с разнообразием форм собственности и организации. И, что самое главное, — в самоуправляемую, когда настройку на потребителя осуществляет рынок. Но, по крайней мере, два обстоятельства явились препятствием тому. Первое — условия, в которых оказалась страна, без подготовки ставшая независимой, не выйдя, а по существу «вывалившись» (пусть простит мне читатель это не парламентское выражение) из действительно единого экономического пространства СССР. Второе — это социальное бедствие незащищенности при несформировавшейся государственности и всеобщая бедность, включая и тех, кто впоследствии «отоварился» властью.

Страна оказалась в состоянии экономического и социального развала, что не позволяло использовать закономерности выхода их кризиса, связанные с обновлением основного капитала — модернизацией и техническим обновлением средств производства. Эти закономерности сугубо рыночные. При развале экономики или при опасности развала действие рыночных закономерностей ослабевает. В таких условиях роль государства выдвигается на первый план, становится решающей.

Подобные, если не большие, трагедии пережили после Второй мировой войны Германия и Япония. Если в отношении восстановления первой свою роль сыграли западные государства и СССР, то Япония в полной мере и эффективно воспользовалась собственной госу-

дарственностью. Именно государство сконцентрировало внимание на перевооружении технической базы и создании новой, на отборе по всему миру и покупке лицензий, открытий и технических разработок, на стимулировании и финансовой поддержке внедрения новой техники и новых технологий в жизнь.

В отличие от Японии, в Украине, напомним еще раз, сформировавшейся завершённой самостоятельной государственности не было. И, следовательно, не было институтов формирования новой экономики. Она сложилась стихийно так, как сложилась, — с доминированием нескольких групп и борьбой между ними впоследствии за передел собственности. В соответствии с этим сконструирована и структура государственной власти, окончательно оформленная в псевдопартийную структуру Верховной Рады, где ведущие по численности депутаты партии и блоки представляют не наемных работников, не малый и средний бизнес, а крупные капиталы. Следствие такого положения мы видим в форме и содержании «дебатов» в отечественном парламенте и в отсутствии устойчивости жизни и развития: с переходом новой группы — «партии» в Верховную Раду резко меняется персональная направленность экономического развития страны, сохранными остаются только персональные («партийные») разборки. К экономическому развитию страны это имеет малое отношение. Естественно, доминируют личные отношения. А экономика, вышедшая из социализма, требует объединенных ресурсов и объединенных усилий для того, чтобы осуществить социально-экономическую трансформацию общества и отраслевую реструктуризацию экономики.

При развале экономики, при незавершенности строительства государства и связанных с этим искажениях демократии и общественных структур требовались (и требуются!) внешние источники и внешние помощники — деньгами, прежде всего, а также советами и специалистами.

Но «Плана Маршалла» не было. Зато сразу все постсоветские страны, Украина не исключение, наводнили западные «эксперты» и «советники», не знавшие наших социальных и экономических особенностей. Народ, многими поколениями приученный верить, уверовал и в «светлое будущее», но уже не коммунистическое, а капиталистическое, и в этот раз В. К. Симоненко приводит в виде пространной цитаты высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Тобина на этот счет (цит. по [2, с. 527]) очень точные мысли, поэтому приведем их почти полностью: «К сожалению, профессиональные советники по вопросам управления переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму — экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики — способствовали появлению ложных ожиданий. Советы давались в одном направлении: демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла. Оказалось, что не все так просто. В этой эйфории советники слишком часто забывали, что экономическая победа в войне систем было достигнута не идеологически чистыми режимами свободного рынка, а «смешанными экономиками», в которых государство играло существенную, а то и решающую роль».

Сломав старую систему, ей предложили реформирование без учета наследства, а, следовательно, без социально-энергетических ресурсов, накопленных в системе. Слом обернулся тем, чем он только и мог обернуться, — развалом экономики и традиционных социальных структур.

Общих традиций и правил экономического поведения и законов, которые принуждают к их соблюдению, еще не было. Поэтому каждый защищал по-своему свой интерес в жизни, а для его обеспечения предпринимались разные способы: законные, не очень законные и противозаконные. Кто «челночил», кто прихватывал мирным путем или насилием все, что оказалось ничейным — от отдельных видов материальных ресурсов до целых предприятий. «Благо», за десятилетия государственного социализма на социально освоенном уровне был освоен и усвоен опыт «несунов» и насильственного (со стороны государства) лишения граждан собственности, свободы и даже жизни.

Выживание стало необходимым образом жизни для всех — и пекарей, и токарей, и директоров предприятий, и госчиновников. Использовались для этой цели специфические индивидуальные средства. Кто использовал руки, кто ноги, кто подручные средства, кто остатки власти, а кто и более серьезные инструменты. На самое дно опустились как те, кто ни на что никогда не был способен, так и те, у кого было развитым чувство совести, — главным образом, интеллигенция, и кто полагался на признание своей трудовой самоотверженности и просто трудовой дисциплинированности в прошлом. Но государства, которое должно было все это учитывать, уже не было. И чиновники сами «осваивали» новые условия жизни, приспособлялись к ним. Государство и специфический национальный капитал постепенно объединялись, сращивались, формируя специфическую власть. У нее разные определения — клановая, олигархическая, «демократическая», но суть одна — это симбиоз крупного бизнеса и власти. Следствием такой эволюции социализма в капитализм стали два вида разрывов в обществе: между государством и гражданами и внутри граждан — между богатыми и бедными. Это, а не внешние факторы, — главная опасность страны.

Принятым в мире пороковым значением социального расслоения как социально безопасным является 8-разовое различие между 10 % самых обеспеченных и 10 % самых низкодоходных групп населения. Интересно, что у нас в статистике сопоставляются не 10 и 10 %, а 20 и 20 %. Понятный прием, поскольку, как нетрудно догадаться, он позволяет несколько смягчить ударный показатель расслоения. Но и при этом он составляет у нас не один десяток раз. Заметим, что это без учета теневого оборота и теневых доходов. Даже не по доходам, а по оплате труда из госбюджета (министров, депутатов ↔ учителей, врачей, профессоров и пр.), — а мы ее рассматриваем как меру государственного признания, — этот разрыв переходит границы представлений о социальном государстве, социально ориентированной экономике, социальном партнерстве и сотрудничестве, о согласовании интересов и стимулировании и т. д. При таком расслоении большая часть граждан отчуждается от экономики.

Люди действуют по необходимости, а не по возможностям и, тем более, не по законам, законы оказываются

недееспособными. Большой дискредитации государства не бывает. Законы, легализованные им как институтом власти, не стали легализованными обществом. Но худо-бедно сохранилась дееспособность граждан, выживших и выстоявших в начале 90-х годов прошлого столетия, сохранивших свой бизнес, научившихся обходить законы.

Все это, наряду с отсутствием реструктуризации и реальных реформ, — причины неэффективного, но все-таки роста, и, одновременно, торможения развития экономики страны.

Решение современных проблем развития ставят во главу угла своих предвыборных программ все партии и блоки — от левых до правых. Между ними нет разногласий в том, что основным современным ресурсом любой страны является «человеческий капитал». Этот термин ввел в оборот Теодор Шульц, получивший в 1979 году Нобелевскую премию за исследование факторов благосостояния, на основе которого пришел к выводу, что благосостояние зависит не от земли, недр, техники и т. п., а, скорее, от знаний, профессионализма, заинтересованности и отношения к делу носителей действительных трудовых ресурсов.

Выдвижение на первый план «человеческого капитала» наделяет государство действительно социальными функциями. Но тут и кроется опасность подмены государственного управления политикой популизма.

Эта опасность реализуется сегодня в Украине. Жесткая правда состоит в том, что не обеспеченные экономическим ростом массивные социальные выплаты, не связанные с трудом и ростом его производительности, со снижением энерго — и материалоемкости производства, разгоняют инфляционные процессы. В таких условиях инфляция на рынке потребительских товаров меньше, чем инфляция производства. Инфляция производства через определенный промежуток времени сказывается на повышении цен (инфляции) на потребительском рынке. И так, круг замыкается и воспроизводится вновь и вновь. Инфляция на потребительском рынке — это дополнительный налог с граждан, уменьшающий реальную отдачу растущих социальных выплат. Политика их реализации, не связанная с реальной динамикой экономики, — это и есть популизм. Он опасен еще и тем, что усиливает патернализм — привычку к государственному покровительству, который, будучи регулярным, детерминирует экономические способности и устремления народа, делает его попрошайкой у государства и его постоянным агрессивно настроенным оппонентом.

Смысл государственного управления экономикой в условиях выдвижения на первый план «человеческого капитала» состоит в соединении развития экономики с такой социальной флуктуацией, которая приводит не к нарастанию расслоений, а к их уменьшению, при котором социальные интересы разных слоев общества объединяются в единой заинтересованности развитием экономики. В таком случае осознается необходимость друг в друге, а в управлении появляются и необходимость и возможности проведения такой политики, которая понимается, принимается и реализуется всеми социальными группами, которая формирует доверие между государством (властью) и гражданами. Ф. Фукуяма, описывая доверие как ключевую характеристику развитого человеческого общества, утверждал, что внутренняя гармония

общества способствует экономическому прогрессу, и наоборот. Причем, этому «наоборот» отводит решающую роль: без развитой экономики не возникает ни доверие, ни гармония: «...почти любой из вопросов современной политики в сущности упирается в экономику» [3, с. 8].

Выводы.

Идеальный вариант, т. е. такой, при котором экономика получает максимальные возможности развития, состоит в том, чтобы внешнее управление со стороны государственной власти — на всех уровнях — стимулировало демократизацию экономики, сужая свое присутствие в ней по мере формирования подготовленности экономики к самоуправлению, к тому, что получило название «экономическая демократия».

С точки зрения сегодняшних результатов государственного управления социально-экономическими процессами в Украине способность и вытекающие отсюда возможности государства эффективно управлять страной невелики. И это в то время, когда страна нуждается в сильном и эффективном государстве.

Сила государства не только в масштабах его управления экономикой, но и в том, чтобы, понимая свои возможности, ослабленные политическим кризисом, сократить свое вмешательство в эту сферу: можешь помочь, поддержать — помоги, поддержи, не можешь — не мешай. Экономика уже научилась жить на самоуправлении.

А эффективность государства предлагаем измерять не количеством правительственных «решений», а уровнем жизни граждан, находящихся на самых низких ступенях благосостояния.¹

Литература

1. Фридман М., Якобсон Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960 гг. — К.: «Ваклер», 2007. — 880 с.
2. Симоненко В. К. Пятилетка независимости: экономические эссе. К.: Знание, 2007. — 544 с.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.